Нет никакой надобности вслед за ними „историю“ этого якобы международного сюжета начинать с рассказа Начальной летописи под 880 годом о взятии Олегом Киева. Согласно этому рассказу, Олег подплыв к Киеву „в лодиях“, назвался „гостем“, заманил владевших Киевом Аскольда и Дира и, убив их, сел в Киеве. В основе этого предания также нет необходимости видеть сказочный вымысел: военная хитрость Олега в этом случае проста и вполне отвечает его намерению захватить Киев; в военной практике того времени она была вполне осуществима, и ничего сказочного в ней нет.

Продолжая нанизывать „варианты“ этого мнимо-„бродячего“ сюжета, компаративисты зачислили в их цепь даже полный бытовых реалий исторический рассказ Симеоновской и других летописей под 1446 годом о том, как во время усобицы московского князя Василия с племянниками князь Иван Можайский с воинами проникли в Троицкий монастырь, скрывшись в санях: князь „повеле сани многы изрядити как возы с рагозинами, а ины с полстьми, а в них по два человека в доспесе, а третий после идет, как бы за возом. И как преднеи уже их (т. е. ратных сторожей) великого князя Василия минуша и тако выскакаша вси из саней и изимаша их“. Совершенно очевидно, что весь этот рассказ отнюдь не литературное украшение, что за ним стоит подлинная историческая действительность: борющиеся стороны несомненно прибегали к подобного рода уловкам, обманывая противника.

Характерно, что тот же рассказ, с некоторыми дополнительными бытовыми подробностями, записал Петрей в „Истории о великом княжестве Московском“. Враги князя Василия „послали в монастырь несколько сот телег с сеном, соломой и другим мелким товаром, под которым спрятаны были воины. Когда извозчики рано поутру приехали к воротам, начальник стражи впустил их, не подозревая ничего худого. Тогда тотчас же выпрыгнули спрятанные воины, перебили сторожей, взяли в плен великого князя Василия, выкололи ему оба глаза и отвезли с женою и детьми в Углич“.

В. Миллер, расценивая этот рассказ как целиком сказочный, приводит к нему в виде варианта следующее устное предание об избиении поляков в Москве при первом самозванце:[1] „Когда Гришка Отрепьев воцарился, то Марина приказала ему звать в Москву поляков. Открыто им въезжать в город было нельзя, и поляков стали ввозить в бочках, по три-четыре человека в бочке. Много ли, мало ли навозили, но один раз везли на санях бочки с поляками по Москве, а навстречу шел дьячок, к заутрене благовестить. Увидел бочки и спросил: Што везете? — Маринино придано. — Дьячок ударил посохом по бочке, поляки и заговорили. Дьячок побежал на колокольню и стал звонить в набат. Кинулся народ, и поляков перебили“.

Первый рассказ о событиях XV века носит на себе все черты исторической действительности, в нем нет никакого вымысла, заменяющего факты. Предание об избиении поляков в начале XVII века, наоборот, реально лишь в оценке событий, в воспроизведении народной ненависти к полякам. Для того чтобы подчеркнуть эту ненависть, народное предание и представило по-своему попытку поляков скрыться от народного гнева; на самом деле именно беззастенчивое поведение свиты Марины, оскорблявшей национальные чувства москвичей, вызвало постоянные стычки между горожанами и поляками.

---

[1] Записано Н. Е. Ончуковым (Северные сказки. СПб., 1908, стр. 500).